

Д. В. Ванюкова

АРХИТЕКТУРНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГИПТЯН ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Древние египтяне не мыслили существования без опоры на прошлое своей страны: именно в мифическое «время бога» был создан мир и заложены основы царской власти, позволяющие стране пребывать в благополучии. Не удивительно поэтому, что внимание к памятникам прошлого являлось формой почитания предков и заботы о собственном благополучии в ином мире, причем последнее иногда достигалось не только самим актом поновления памятника, но и узурпацией собственно реставрационных текстов. Наибольшую известность получила реставрационная деятельность царей эпохи Нового царства, однако впервые ощущение, что прошлое отстоит от настоящего во времени и отличается своими особыми качествами, пришло к жителям долины Нила гораздо раньше. Именно после I Переходного периода тема восстановления — страны после «времени болезни», власти царя после периода междоусобиц, архитектурных памятников, разрушенных временем и войнами, — становится особенно актуальной. В статье рассматриваются тексты гробничных надписей времени I Переходного периода и эпохи Среднего царства, содержащие сведения о деятельности владельцев по восстановлению памятников прошлого. В центре внимания автора — стела Антефа сына Митт (XI династия). Ее текст выходит за рамки стандартной для подобных памятников «реставрационной формулы», что позволяет полнее представить воззрения египтян на процесс разрушения и последующего восстановления памятника. Особенности лексики, присущие тексту со стелы Антефа, позволяют обоснованно поставить вопрос о том, какую именно цель преследовали египтяне в эпоху Среднего царства, когда занимались восстановлением памятников прошлых эпох.

Ключевые слова: архитектура Среднего царства, реставрация, заупокойный культ, архаическое мышление.

D. V. Vanyukova

ARCHITECTURAL RESTORATION CONCEPT IN THE MIDDLE KINGDOM EGYPT

In the mind of the ancient Egyptians — life was possible only because of their cultural memory — the Past was the literal mainstay of the country. It was the mythical “time of God” when the whole world was created together with the kingship, as a result of which, the country could be prosperous. It is not surprising that attention to the monuments of the past epochs was a way of venerating the ancestors and to care about one’s own destiny in another world. We even know of several cases when the restoration texts were usurped.

Restoration projects of the New Kingdom are well known, but for the first time, a feeling of differences between Past and Present appeared in Egyptian culture much earlier. The XIth and XIIth dynasties connected with the time of reunion of the country after the “time of illness” (ancient Egyptian epithet for the crisis periods in their history, like the 1st Intermediate period), the restoration of kingship and architectural restoration concepts. The paper deals with the analyses of several 1st Intermediate and Middle Kingdom tomb inscriptions with “restoration formulas”, which are wider and more detailed than later ones, in the New Kingdom texts. Analyzing of peculiarities of Intef’s inscription (stela Berlin, Egyptian museum, № 13272) lexicon, the author discusses the problem of the true object of restoration acts in Egyptian culture: was the restoration of buildings the only and the main aim of Egyptians?

Key words: Middle Kingdom architecture, restoration, funerary practices, archaic mind.

Интерес к искусству периода Среднего царства (XXI–XVII вв. до н.э.) возрастает в последнее десятилетие стреми-

тельно, причем зачастую в фокусе научных работ, связанных с проблематикой этого периода, как исторической, так

и культурологической, искусствоведческой и т.д., оказываются темы восприятия египтянами эпохи Среднего царства прошлого своей страны. Так, активно начали обсуждаться проблемы архаизации, имитации художественных произведений прошлого (т.е. относящихся к периоду III–VI династий), их переиспользования и реставрации (Fay 2016, Gilli 2013, Pieke 2016).

Именно вопрос о том, каким образом сами египтяне воспринимали процесс и результат реставрации памятника прошлого, является центральным для этой работы, т.к. возможные границы использования термина «реставрация» применительно к столь глубокой древности должны быть, по крайней мере, обозначены. Хотя мы говорим о реставрационных текстах в Древнем Египте наряду со строительными (наиболее актуальной по этой теме является фундаментальная работа З. Граллерт, собравшей и систематизировавшей практически все наличные строительные и реставрационные тексты, как царские, так и частные (Grallert 2001)), но, даже оставляя в стороне современное определение термина «реставрация», связанного с идеей предотвращения дальнейших разрушений памятника и создания оптимальных условий для его сохранения, очевидно, что древние египтяне под «реставрацией» понимали нечто совсем иное, чем мы. Возникает вопрос о том, каким образом, в каких категориях сами египтяне описывают процесс разрушения памятника и процесс его реставрации, а также о том, что именно они полагали целью реставрационной деятельности.

Сразу следует отметить, что для древних египтян, при их огромном почтении к прошлому, являющемуся источником всего благого и подлинно великого в настоящем, идея «консервации па-

мятника» в его текущем состоянии была глубоко чужда: реставрационная деятельность всегда связана с идеей восстановления объекта, его упрочения и обновления, что подчеркивается лексикой реставрационных надписей и что по-своему логично для столь архаичной, по сути, культуры, как древнеегипетская. Обновить созданный в глубокой древности храм вовсе не было, похоже, тождественно понятию «осовременить» его, «испортить» чужеродными, слишком новыми элементами. Напротив, это значило вернуть ему свежесть и чистоту того самого дня, в который он был сотворен. Кроме того, довольно часто заявленное восстановление, по сути, было консервацией (во всяком случае, памятник прекращали разрушать, т.к. теперь на нем была размещена «реставрационная метка»), а иногда декларируемая реставрационная деятельность хронологически совпадала с разрушением охраняемого объекта, как это случилось с пирамидой Сенусерта III в Дахшуре, о чем речь пойдет далее.

Наиболее хорошо изучены царские реставрационные надписи, в изобилии дошедшие до нас от эпохи Нового царства, с начала XVIII династии, когда забота о реставрации храмов и святилищ была связана с восстановлением страны после гиксосского вторжения. В дальнейшем история также предлагала древнеегипетским правителям немало возможностей показать себя в качестве пекущихся о великих памятниках древности: наиболее ярко это проявилось в деятельности преемников царя-реформатора Эхнатона (конец XVIII династии), когда реставрационные мероприятия проводились под эгидой восстановления страны после «времени болезни». Примечательно, что уже при Тутанхамоне начинается активное восстановление поврежденных сторонни-

ками религиозной реформы Эхнатона рельефных изображений традиционных египетских божеств, а ко временам его преемников относится феномен «вторичной реставрации»: восстановленные рельефные изображения оконтуриваются заново, и рядом размещается реставрационная надпись, приписывающая реставрационные мероприятия именно Хоремхебу либо Сети I, «упраздняя» на деле выполненные при Тутанхамоне восстановительные работы; иногда же просто узурпируются реставрационные метки Тутанхамона (*Brand 2010: 8*).

В эпоху XIX династии наиболее известным попечителем памятников прошлого стал четвертый сын Рамсеса II, Хаемуас, наследник престола, верховный жрец Птаха в Мемфисе, который руководил несколькими инспекциями по обследованию памятников эпохи Древнего царства в мемфисском некрополе и работами по дальнейшей их реставрации. Хаемуас оставил реставрационные метки как на древнецарских, так и на среднецарских сооружениях, причем если памятник не сохранял имя своего владельца, то ему давалось новое имя (*Snape 2011: 469–470*).

Своеобразное отношение к проблеме сохранности памятника ярко иллюстрирует случай с пирамидой Сенусерта III в Дахшуре. Размещенный на ней реставрационный текст гласит, что «Его Величество повелел своему верховному жрецу-сему, царскому сыну Хаемуасу обновить имя царя, так как оно больше не видно на пирамиде...» (*Oppenheim, Allen 2002*). Одновременно с этим, судя по всему именно при Рамсесе II, в целях повторного использования с пирамиды были сняты довольно большие участки облицовочного камня (*Navratilova 2016: 263*), что также не выглядело зазорным в глазах древних «реставраторов» — именно вовлеченность памятни-

ка в культовую практику являлась гарантом его подлинной сохранности.

Поразительная активность Хаемуаса по восстановлению древних святынь привела к мнению о том, что Рамессиды полагаются «первыми египетскими царями и мыслителями, кто отчетливо осознал, что прошлое предшествует настоящему, а также качественно отлично от него» (*ibid.: 260*). Представляется, что эта идея неверна, поскольку впервые четкая граница между прошлым и настоящим была проведена много ранее — в эпоху начала Среднего царства, о чем говорят не только особенности архитектурных произведений, но и многочисленные тексты, в том числе достаточно пространственные реставрационные надписи.

Нужно отметить, что в целом реставрационные надписи являются образчиком формульных текстов (*Grallert 2001: 61*), в которых содержание полностью подчинено стандартному отображению последовательности событий и отличается завидным постоянством в использовании определенного набора лексем. Описание практически всегда начинается с обнаружения — «зем» (букв. «находить») — памятника, причем неизменно указывается, что он разрушен. Собственно деятельность по восстановлению описывается как «укрепление», «поновление», «упрочение», «создание в качестве обновленного». В эпоху Нового царства меняются обстоятельства, памятники и «реставраторы», но эта краткая формула остается неизменной.

Однако ряд памятников эпохи I Переходного периода и начала Среднего царства позволяет расширить наши представления о реставрационной деятельности, поскольку именно в это время происходит грандиозный перелом в мировоззрении древних египтян, связанный с культурно-историческими

особенностями периода XX–XVII вв. до н.э., когда впервые была проведена четкая граница между прошлым и настоящим, а для описания заботы о памятниках еще не выработаны были устойчивые лексические схемы.

Наверное, первый случай, когда египтяне подробно описывают свое отношение к проблеме сохранения памятников прошлого, это ст. 119–123 «Поучения Мерикара», литературного текста, созданного в эпоху I Переходного периода, в форме поучения правящего царя своему наследнику разворачивающегося перед читателем бесценную по полноте картину этических и религиозных воззрений того времени. Текст «Поучения...» чрезвычайно сложен для интерпретации, но в переводе пассажа о восстановлении разрушенного (ст. 119–122) автор прямолинеен в характеристиках: «Смотри, мерзкое дело случилось в мою бытность: разламывали кладбищенские дворики Тина (столица 8-го верхнеегипетского нома). Но становилось это тем, что я отстраивал (заново), когда я узнавал об этом, после того как разрушали. Смотри, это первейшая надобность, исполненная мной, ибо разрушение — это мерзость. Нет никого, кому было бы полезно укреплять для себя то, что он разорил, разламывать (чужое), когда он строит для себя; оснащать для себя им же исковерканное» (Демидчик 2005: 200). Автор «Поучения...» дважды подчеркивает, что разрушение — это мерзкое дело с этической точки зрения, а восстановление памятников (особенно поминальных) является первейшей обязанностью правителя, пекущегося о своем добром имени и благополучной посмертной судьбе.

3. Граллерт отметила как одну из важнейших особенностей реставрационных текстов то, что реставрационные надписи частных лиц копируют формульные

выражения, присущие царским текстам (Grallert 2001: 67), и тексты I Переходного периода и начала Среднего царства показывают, во всяком случае, их тесную взаимосвязь и взаимовлияние, демонстрируя, однако, большое разнообразие, позволяющее выделить некоторые аспекты, наиболее важные для египтян в обращении с памятниками прошлого.

Так, Джхутинахт, современник событий конца I Переходного периода, представитель семьи номархов из эль-Берше, что почитала своими предками князьями эпохи VI династии, чьи скальные гробницы находятся в эль-Шейх Саид, некрополе эпохи Древнего царства в четырех километрах к югу от эль-Берше (имя некрополь получил от имени мусульманского праведника Шейха Саида, похороненного неподалеку), оставил свои реставрационные тексты в девяти наиболее богатых погребениях как эль-Берше, так и эль-Шейх Саид (De Meyer 2005: 132). Все они выполнены в невысоком рельефе, покрашенном голубым цветом, на желтом фоне. Текст небольшой, идентичный для всех погребений: «Он сделал это в качестве монумента для его отцов, что в некрополе, господ этого холма, восстановив то, что было в руинах, и обновив то, что было найдено разрушенным, предки же, что были здесь до того, не сделали этого» (Lepsius 1849: pl. 112e). Полагаю, что этот текст, ввиду его повторяемости в девяти погребениях, можно считать вариантом реставрационной метки, причем Джхутинахт подчеркивает свою исключительность среди предков своего рода — только он обратил внимание на гробницы, бывшие в небрежении. Это еще одна особенность частных реставрационных текстов этого и более позднего времени: забота о разрушенных погребениях давала право на некоторую исключительность, ведь подобные деяния соверша-

ются от избытка ресурсов (в том числе и материальных) — человек обеспечил заупокойный культ не только себе самому, но и владельцу погребения, находившегося в упадке.

Хнумхотеп II, современник Аменемхета II (середина XII династии) из Бени-Хасана, наиболее известный росписями своей гробницы, в своем жизнеописании упоминает заслуги по поновлению памятников царей своего времени — Аменемхета II, который «упрочивал найденное им разрушенным», и Сенусерта II, что «создает памятники его в Шакальем номе в качестве упроченных, что найдены разрушенными». Кроме того, он в ст. 161 пишет и о своих реставрационных деяниях, о том, что «оживил/сделал живым имя моих предков / букв. “отцов”, найденное мной разрушенным на дверях, причем сделал их верными по форме и аккуратными для прочтения и ничего не перепутал», а в ст. 194, что он «оконтурил опор(ы), найденные в качестве руин. Поднял/воздвиг я это (их. — *D. B.*) в качестве опор обновленных, надписанных моим собственным именем» (*Sethe* 1935: 33–34).

Перед нами фиксация, вероятно, действительно выполненных работ: Хнумхотеп поновляет надписи имен на дверях, ведущих в гробницу, причем подчеркивает, что это сделано бережно и внимательно, дабы избежать путаницы (прежде всего, при отправлении заупокойного культа, — чтобы каждая принесенная жертва пошла во благо нужному «адресату»), а также он восстанавливает найденные в руинах опорные столбы, причем их он подписывает собственным именем, возможно, т.к. оригинальные имена на них невозможно было прочесть.

Наибольший же интерес в контексте представлений о реставрационном процессе представляет стела Антефа сына

Миит — один из немногих (*Grallert* 2001: 74, 128) частных памятников, не просто посвященных восстановлению памятников других частных лиц, но довольно пространно об этом повествующих.

Стела Антефа сына Миит, современника и верного слуги царя времени XI династии Ментухотепа II Небхапетра, хранится в Египетском музее г. Берлина (размер 57 × 110 см, инв. № 13272). В ней содержится развернутое повествование о том, как Антефом было восстановлено святилище вельможи Нахти-икера. Это прямоугольная известняковая стела, изображающая покойного Антефа за жертвенным столом в типичной для фиванского региона эпохи XI династии стилистике: крупные, сильно вытянутые глаза, занимающие большую часть лица, низкий лоб, небольшая голова, подчеркнута крупные губы, остро характерные черты лица ярко выраженного фиванского типажа. Изобразительное поле стелы плотно заполнено крупными очертаниями фигуры и предметов и довольно крупной иероглификой. Текстовая часть делится на три смысловых блока, обычных для автобиографических текстов: вначале идет перечисление титулов Антефа и эпитетов, подчеркивающих его близость к царю; затем Антеф рассказывает историю о том, как он отреставрировал святилище Нахти-икера; в конце следует пассаж, в котором владелец выражает свою надежду на добрую память о себе на земле.

Памятник был издан в 1908 г. Ж. Даресси (*Daressy* 1908), который приводит краткую историю его обнаружения в 1895 г. и воспроизводит иероглифическую надпись. Ее же в несколько ином прочтении публикуют Ж. Клер и Ж. Вандье (*Clere, Vandier* 1948: § 31). Примечательно, что с именем Антефа сына Миит связаны еще два памятника — стела из Британского музея (BM 134 (1164))

и стела из Глиптотеки Нью Карлсберг (Ny Carlsberg 1241 (821)). Все три стелы, вероятно, располагались в гробнице Антефа в Дра Абу эль-Нага (некрополь западнее Фив), однако точное местоположение гробницы не установлено.

Каждая стела представляет собой весьма интересный феномен: БМ 1164 содержит тщательную фиксацию обязанностей, которые возлагались на жрецов заупокойного культа Антефа (*Демидчик* 2012), стела Ny Carlsberg 1241 имеет ряд «криптографических» элементов (*Morenz* 1998), а Berlin 13272 содержит интереснейшие рассуждения о реставрации. Безусловно, памятники, находившиеся в интерьере поминальной часовни, семантически перекликаются друг с другом, ярко показывая «богатый потенциал фразеологии, свойственной биографическим текстам» (*Russo* 2007: 197). Однако стоит отметить, что стелы из Нью Карлсберга и Британского музея несколько затмевают берлинский памятник. В настоящее время можно говорить о том, что он бытует в контексте исторических исследований, в контексте статистических выкладок и лингвистического анализа, однако несколько на второй план ушла история, которой так отчаянно гордился сам владелец, а ведь стела Антефа представляет собой случай уникальный, совершенно новый: впервые описывается состояние старой постройки и именно на основе этого показывается, что именно сделано, какие выполнены работы (*Grallert* 2001: 135). То есть перед нами именно суть процесса восстановления, как ее видит египтянин.

Целесообразным является перевод строк 7–9, поскольку именно они касаются этой темы: «Нашел (я) святилище, относящееся к *“nam”* Нахти-икера, разрушенным, стены его, покои, изображения *“тут”* все разбиты, не существу-

ет памяти (о) них. Восстановил я облик его большим, чем (было) его основание, и *“хенти”* его в качестве обновленных».

Речь в тексте идет о том, что Антеф обнаружил святилище некоего Нахти-икера (или Нахти Превосходного) разрушенным и почел своим долгом произвести его реставрацию. Примечательно, что Антеф описывает процесс разрушения памятника «снаружи — вовнутрь»: разрушено святилище, его стены («архитектурная оболочка»), его покои (то внутреннее пространство, что формировалось оболочкой) и его образы *«тут»* — слово, обозначающее изображение в широком смысле слова (как скульптуру, так и рельеф, и живописное изображение), контекст заставляет предположить, что в данном случае речь идет о стенных рельефах.

Крайняя точка процесса разрушения памятника — когда от него не остается ничего, даже замысел его исчезает, что полностью соответствует тому, как в отношении разрушенного здания мы говорим, что «не удастся установить первоначальный облик постройки» или «не удастся понять первоначальный замысел архитектора».

Процесс восстановления описывается очень образно: Интеф буквально делает *«кед»* памятника, т.е. «оконтуривает» его — древнеегипетский термин *«кед»* ближе всего по значению именно к нашему «контур», не случайно рисовальщик в Древнем Египте назывался «сеш кедут», или «писец контуров». Причем новый «контур» сооружения больше, чем было его основание, т.е. Антеф расширяет первоначальное сооружение. Также Антеф отмечает, что теперь *«хенти»* из святилища Нахти-икера «в качестве обновленных». Причем, в силу параллелизма, характерного для древнеегипетских текстов, под *«хенти»* явно понимаются *«тут»* из первой строки пас-

сажа. Речь идет об одних и тех же (рельефных) изображениях.

Вероятно, эта искусная игра терминами подразумевает, что после прекращения культа изображения перестают быть полем коммуникации между потребителем культа и его отпратителями — потомками и жрецами, и становятся «просто изображениями» — «тут». Однако в тот момент, когда святилище восстановлено, и они вновь попадают в фокус внимания как объект культовой практики, «мертвый камень» наполняется смыслом, что заставляет автора текста называть их по-другому. Тот факт, что восстановление поминальной часовни является ключевым событием, представленным в биографии вельможи, говорит о том, что реставрация памятников являлась для египтян формой почитания предков. Кроме того, очевидно, что Антеф не просто восстановил стены часовни и рельефные изображения, он в полном объеме восстановил заупокойный культ в гробнице Нахти-икера.

Антеф описывает процесс восстановления памятника буквально как акт Возрождения (и часовни, и имени Нахти-икера) из небытия, что является, строго говоря, прерогативой царя. Хождение подобной фразеологии жестко регламентировалось, поэтому остается предположить, что Антеф полагал себя в данном случае орудием царской воли. Так что мы с полным основанием можем говорить о том, что заимствование структуры царского текста не являлось в то время банальным желанием придать величия своей надписи. В эпоху XI — начала XII династий, когда сами цари предпринимают колоссальные усилия по «сращиванию» прошлого и настоящего своей страны, в том числе тема реставрационных, восстановительных работ становится особенно актуальна для всего древнеегипетского общества, от-

дельные представители которого находили возможность почитать своих предков, восстанавливая их имена и святилища.

Антеф, подробнейшим образом описавший функции жрецов, нанятых им для отправления собственного поминального культа, и отлично знавший, насколько непрочны обещания и договоренности, а то и родственные связи, если речь заходит о памяти предков, не просто восстанавливает памятник усопшего вельможи: он перезапускает культ усопшего в его погребении, полагая, что только возобновление поминального культа в стенах усыпальницы может являться подлинным восстановлением жизни архитектурного объекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Демидчик* 2005 — *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида. Государственная доктрина Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005.
- Демидчик* 2012 — *Демидчик А. Е.* Письменные свидетельства смежности концепта Ка и понятия twt «изображение» // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLV: Петербургские египтологические чтения 2011–2012. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 68–74.
- Brand* 2010 — *Brand P.* Reuse and restoration // *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, 2010. URL: escholarship.org/uc/item/2vp6065d (дата обращения: 05.09.2018).
- Clère, Vandier* 1948 — *Clère J., Vandier J.* Textes de la Première Période Intermédiaire et la XIème Dynastie. Bruxelles: Edition de la Fondation égyptologique reine Elisabeth, 1948.
- Daressy* 1908 — *Daressy G.* Stele d'un prince Antef // *Annales du Service des antiquités de l'Égypte [ASAE]*. Vol. 9. 1908. P. 150–151.
- De Meyer* 2005 — *De Meyer M.* Restoring the Tombs of His Ancestors? Djehutinakht, Son of Teti, at Deir al-Barsha and Sheikh Said // *Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie*. Vol. 5. 2005. P. 125–135.

- Fay 2016 — Fay B. Let the Old Kingdom end and the Middle Kingdom begin! // Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013). London: Golden House Publications, 2016.
- Gilli 2013 — Gilli B. The past in the present: the reuse of ancient material in the 12th dynasty // *Aegyptos*. Vol. 89. 2013. P. 89–110.
- Grallert 2001 — Grallert S. Ägyptische Bau- und Restaurierungsinchriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie. Berlin: Achet Verlag, 2001.
- Lepsius 1849 — Lepsius C. R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät. Vol. 2. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849.
- Morenz 1998 — Morenz L. Besondere Zeichen aus der späten XI. Dynastie; zu den Inschriften des Antef, Sohn der Myt // Studien zur Altägyptischen Kultur, 1998. Bd. 25. S. 237–249.
- Navratilova 2016 — Navratilova H. Khaemwaset in Dahshur: the Prince and the Stones // Landgrafova R. — J. Mynarova, eds. Rich and Great. Studies in Honour of A. J. Spalinger. Prague: Charles University, Faculty of Arts, 2016. P. 259–266.
- Oppenheim, Allen 2002 — Oppenheim A., Allen J. The Inscription of Prince Khaemwaset // Arnold D. The Pyramid Complex of Senwosret III at Dahshur. Architectural Studies. New York: Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 29–30.
- Pieke 2016 — Pieke G. Playing with traditions. The decoration of Djehutyhotep II's tomb at Deir el-Bersha reconsidered // Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013). London: Golden House Publications, 2016. P. 95–115.
- Russo 2007 — Russo B. Some Notes on the Funerary Cult in the Early Middle Kingdom: Stela BM EA 1164 // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 93 (2007). P. 195–209.
- Sethe 1935 — Sethe K. Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches. Vol. 1. Leipzig: J. C. HINRICH'sche Buchhandlung, 1935.
- Snape 2011 — Snape S. Khaemwese and the Present Past: History and the Individual in Ramesside Egypt // *Ramesside Studies in honour of K. A. Kitchen* / ed. M. Collier & S. Snape. Rutherford Press Ltd, 2011.

REFERENCES

- Demidchik A.E. *Bezymyannaia piramida. Gosudarstvennaia doktrina Gerakleopolskoi monarchii (Nameless Pyramid. State doctrine of Geracleopolite monarchy)*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2005 (in Russian).
- Demidchik A.E. Pismennyye svidetelstva smezhnosti kontsepta Ka i poniatiia twt "izobrazhenie" (Writing evidencies of close connections between Ka-concept and twt "image"). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XLV: Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2011–2012 (Transactions of the State Hermitage, XLV: St. Petersburg egyptological readings 2011–2012)*. St. Petersburg: The State Hermitage Publ, 2013, pp. 68–74 (in Russian).
- Brand P. Reuse and restoration. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, 2010. URL: escholarship.org/uc/item/2vp6065d
- Clère J., Vandier J. *Textes de la Première Période Intermédiaire et la XIème Dynastie*. Bruxelles: Fondation égyptologique reine Elisabeth Publ., 1948.
- Daressy G. Stele d' un prince Antef. *Annales du Service des antiquités de l'Égypte [ASAE]*, vol. 9, 1908, pp. 150–151.
- De Meyer M. Restoring the Tombs of His Ancestors? Djehutinakht, Son of Teti, at Deir al-Barsha and Sheikh Said. *Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie*, vol. 5, 2005, pp. 125–135.
- Fay B. Let the Old Kingdom end and the Middle Kingdom begin! *Change and innovation in Middle kingdom art: Proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013)*. London, 2016.

- Gilli B. The past in the present: the reuse of ancient material in the 12th dynasty. *Aegyptos*, vol. 89, 2013, pp. 89–110.
- Grallert S. *Ägyptische Bau- und Restaurierungsschriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie*. Berlin: Achet Publ., 2001.
- Lepsius C.R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät*, vol. 2. Berlin: Nicolaische Buchhandlung Publ., 1849.
- Morenz L. Besondere Zeichen aus der späten XI. Dynastie; zu den Inschriften des Antef, Sohn der Myt. *Studien zur Altägyptischen Kultur*, vol. 25, 1998, pp. 237–249.
- Navratilova H. Khaemwaset in Dahshur: the Prince and the Stones. *Rich and Great. Studies in Honour of A. J. Spalinger*. Eds. R. Landgrafova, J. Mynarova. Prague: Charles University, Faculty of Arts Publ., 2016, pp. 259–266.
- Oppenheim A., Allen J. The Inscription of Prince Khaemwaset. *Arnold D. The Pyramid Complex of Senwosret III at Dahshur. Architectural Studies*. New York: Metropolitan Museum of Art Publ., 2002, pp. 29–30.
- Pieke G. Playing with traditions. The decoration of Djehutyhotep II's tomb at Deir el-Bersha reconsidered. *Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeT-RE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013)*. London: Golden House Publ., 2016, pp. 95–115.
- Russo B. Some Notes on the Funerary Cult in the Early Middle Kingdom: Stela BM EA 1164. *The Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 93, 2007, pp. 195–209.
- Sethe K. *Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches*. Vol. 1. Leipzig: J. C. HINRICH'sche Buchhandlung Publ., 1935.
- Snape S. Khaemwaset and the Present Past: History and the Individual in Ramesside Egypt // *Ramesside Studies in honour of K. A. Kitchen* / ed. M. Collier & S. Snape. Rutherford Press Ltd, 2011.